

ГЛАВА 15.

Для многих людей в сельской местности проституция является средством улучшения своего социального положения. Журнал Rattanawannatip (1988 г.) сообщает о том, что творится на Севере: «Наблюдая за женщинами, которые стали проститутками в других частях страны, практически все молодые девушки деревни мечтают продавать свои тела и видят в этом хорошую «карьеру». Вернувшись в свою деревню, проститутки надевают дорогую одежду и аксессуары. Некоторые молодые школьницы шокируют своих учителей своими умозаключениями. Compliment одной такой девочки получила хорошо одетая учительница: «Вы сегодня выглядите красиво, как шлюха». Проститутка не только повышает собственное социальное положение, но и поднимает статус своей семьи. Они тоже начинают носить красивую одежду, блестящие драгоценности и золотые украшения. Проститутки приносят деньги родителям, помогают построить новый дом или купить мотоцикл, холодильник, мебель и даже землю».

Хэллоуин. Это не тайский праздник, но Патпонг знает о нем. Я хотела бы рассказать Джеку о Хэллоуине в Нью-Йорке, о детях, что кланчат сладости возле подъездов и лифтов. Я бы хотела рассказать ему о засахаренных яблоках и тыквах с вырезанными страшными лицами. Эх!.. Смогу ли я сегодня не обращать внимания на звонящий телефон? Или же мне все-таки придется взять трубку? А что если он не позвонит? Может роза Джека обозначала – прощай? Или это новый способ женатого человека соблазнить меня? Какой же упертой идиоткой я могу быть. Я должна выйти из квартиры, причем до того, как он снова позвонит. Возможно, мне лучше переехать. Жаль, что мне некого навестить в пригороде. Куда еще я могла бы уехать? Паттайя.

Хорошая идея. Я возвращаюсь в Паттайю. Куда угодно, лишь бы убежать от телефона. В Паттайе я снова повидеюсь с Томом, владельцем бара, упомянутым в «Инородных телах», который так раз-

когда кровь Джека лилась по всей квартире. Сколько же еще моей одежды будет напоминать о жене Джека. Разочаровавшись в загадке ночных фейерверков, я вернулась в комнату, чтобы переодеться. Я собиралась найти фильм «Инородные тела».

Мои поиски начались с ближайшего бара. Западные мужчины с прохладцей встретили меня и мои вопросы, однако в итоге им все-таки пришлось посоветовать мне что-то толковое, чтобы я отвязалась.

– Сходи к Папаю в бар Rolling Stone.

Наконец, я дошла до магазина видеофильмов, назвав имя одного из фанангов, снизошедшего до помощи мне.

– Нет проблем, – сказала пожилая тайка.

Я задумалась, не была ли она экс-проституткой.

– Приходи завтра, будет готова копия на видеокассете.

Удовлетворенная этим, я пошла в бар Wild Elephant, чтобы повидать Тома. Пока его не было, я посмотрела новости CNN. Мне хотелось узнать, как прошли выборы Буша и Дукакиса в Америке. Под вечер Том вошел в бар с друзьями, они сели за крайний столик.

– Привет, помнишь меня? – сказала я, подойдя к нему.

Он не возликовал при виде меня, но и не стал возмущаться.

– Ну что, как дела? – спросил он без энтузиазма.

Затем, увидев, что я стою, предложил мне место.

– Спасибо.

Когда официантка подошла, я спросила его:

– Можно угостить тебя выпить?

После Патпонга эта фраза крепко прилипла к моему языку. Это всегда хорошо работало, и люди Патпонга улыбались мне. Фразочка выскочила у меня автоматически, потому что мне нужно было добиться его благосклонности.

– Разумеется.

Ну, теперь, по крайней мере, он мне должен. Я начала свою беседу издали, спросив о его клубной майке с надписью «Wild Elephant».

– Эта майка только для мужчин. Девушкам не разрешается их носить.

– Смотри сюда, – сказал один из друзей Тома, снимая свою футболку с такой же символикой. Надпись внутри гласила, что запрещено давать эту майку или позволять носить ее женщинам. Не зная, что сказать в ответ, я проямлила:

– Слоны – это мое тотемное животное. Я люблю слонов и у меня есть татуировка в виде слона.

Я вспомнила о своих разбитых слонах. Том не выказывал ко мне враждебности, как в прошлый раз, и я даже почувствовала, что он потеплел ко мне. Он рассказал мне о праздновании Хэллоуина в его баре прошлой ночью.

– Мы наряжались в костюмы, – сказал он. – Жаль, что тебя не было.

– Мне тоже жаль, что я пропустила его.

– Ты слышала фейерверки в городе? – спросил он.

– Да не то слово, они свели меня с ума. Мне сказали, что это было как-то связано с плохой удачей или с невезением. Что же это было?

– Одна тайская гадалка, погадав на Хэллоин, решила, что этот день имеет отношение к тигру. Каждый, кто напишет в письме свое имя, используя в связке слово «тигр», то должен запустить фейерверк – тем самым он предотвратит невезение.

– В самом деле? Это весело! – мы оба засмеялись. – От этих звуков половина Паттайи была точно защищена от неудачи.

Когда Том пошел в свой офис, чтобы взять фотки с последней поездки в одну из горных деревень, я почувствовала явный прогресс. Я больше не боялась, что меня прогонят из его бара.

– Я видела кое-что интересное недавно на CNN, – сказала я ему, надеясь на дружелюбный тон. – Там обсуждались президентские выборы в Штатах. Было видно, как люди реагируют на кандидатов. В полной аудитории показывали записанные на пленку предвыборные речи кандидатов в президенты. У каждого зрителя было устройство, и они нажимали на кнопки, когда соглашались или не соглашались. Когда они проанализировали результаты, стали обсуждать разницу между избирателями мужского и женского пола. Женщины сильно реагировали на проблемы аборта. Я думаю, даже на Западе женщины все равно должны бороться за свои права. Некоторые старомодные люди пробуют украсть их выбор на аборт.

Слишком поздно я поняла, что бабские проблемы были не той темой, которую можно обсуждать с человеком, живущим в стране, подавляющей женщин. Я быстро добавила:

– Какие великолепные новые устройства они используют на выборах. Технологии на Западе так быстро движутся, что я не могу уже идти в ногу с ними.

– А здесь технологии вообще не движутся, – сказал Том. – У меня всегда кто-нибудь из туристов жалуется на телефон или на канализацию. А иногда они хотят факс!

– Ты голосовал? – спросила я, перебив его.

– Да ну нах. Я даже не знаю, кто баллотируется.

Было видно, что он совсем не жаждал общаться на тему политики. Большинство друзей-фарангов Тома были резидентами и жили в стране со времен Вьетнама.

– Она изучает Патпонг, – объяснил он им.

Пока я была занята разговором с одним ветераном, до меня доносились реплики некоторых из них. Они высмеивали меня и мое исследование.

– Да никто тут не будет ей ничего рассказывать, – сказал один из них.

– Интересно, как далеко она пойдет, чтобы получить информацию?

Они будут увиливать от моих вопросов, подумала я, делая вид, что не слышу их.

– Она знает, что делает, – услышала я слова Тома. – Она живет здесь уже пятнадцать месяцев, и она побывала в тайских деревнях.

Том защищал меня! Какая неожиданность. Я выиграла раунд. Мне не хотелось злоупотреблять его гостеприимством, поэтому, оплатив счет, я встала и собралась уходить.

– Не хочешь приехать в бар В-52 завтра днем? – сказал Том. – Сои-12, около Бич-Роуд. Мы там встречаемся.

– Прекрасно. Я приду.

В конце концов, он же не ненавидел меня. У меня теперь не было Джека, подумала я, когда уходила, но, по крайней мере, я делала успехи в своей работе.

На следующий день мы встретились с Томом в В-52, пивном баре с бассейном. Море в Паттайе было очень уж грязным, но туристы все равно купались. В Паттайе построили десятки роскошных отелей, но никто не обеспокоился очисткой сточных вод. Они сливались непосредственно в море, берегу побережья. Ужасно, что люди плавали там.

Мы сели под зонтиком.

– Могу я взять у тебя интервью? – спросила я Тома после того, как купила нам выпить.

– Эхх... ну хорошо, но только ничего не записывай. Я и так уже как на пороховой бочке из-за этих «Инородных тел».

Я узнала, что Тому было тридцать пять лет и он жил в Таиланде с 1976 года.

– Я видел, как Паттайя развивалась с нуля, – сказал он. – Американская военная база была всего в нескольких милях отсюда, в

Саттахип. Когда американцы покидали страну, они оставили без средств к существованию три тысячи женщин. Эти тайки никогда не считали себя проститутками. Они думали, что те собираются жениться на них, ведь они жили с ними. Те женщины были – самые сливки, – сказал он, вздохнув. – Самые красивые, не то что сейчас. Паттайя была раем. Я тогда женился на одной из того первого поколения прекрасных женщин.

– Да? Ты до сих пор женат на ней?

– Разумеется. Уже восемь лет.

– Вы официально расписаны?

– Нет. Я был расписан трижды. Один раз на фаранге, и дважды на тайках. Снова я не хочу.

– Что произошло с предыдущими браками?

– Первая моя тайская жена бросила меня, потому что я никуда не стремился. Она была права. Я никогда не преуспею в чем-либо. Я знаю это. То, где я сейчас – это максимум, на что я способен. Я не способен на большее. Я пью слишком много. Я пытаюсь пить меньше, но это трудно, когда работаешь в баре.

– А как ты думаешь, тайско-фаранговые браки жизнеспособны? – спросила я, отпив из своего стакана.

– Лично для меня предпочтительны тайки, потому что у них нет волос на теле, – ответил он.

Я заметила, что сам Том был весь покрыт волосами, и про себя согласилась, что безволосая грудь Джека выглядела более привлекательной.

– И женщины-фаранги слишком большие, – продолжил он.

Мне тоже нравился небольшой размер тайцев. Очень не хотелось быть с кем-то, кто выше и больше меня вдвое. Джек в этом смысле был прекрасен.

– Но нет, все-таки, смешанные браки не работают в долгосрочной перспективе, – продолжал Том. – Тайцы и фаранги слишком разные. Со временем это становится очень заметно. В парах они все дальше и дальше отдаляются друг от друга. Вот возьмите некоторых из женщин, беженцев из Камбоджи. Они потратили половину своей жизни в лагерях беженцев. У них нет какого-нибудь специального способа, чем они могут покори́ть европейца. У таких женщин маленький интеллект и нет образования. Они не интересуются происходящими событиями или вещами, которыми интересуются мужчины. Они говорят о косметике, об одежде, и не хотят ни чего слышать о политике.

Я подумала, что сам Том вряд ли особо интересовался политикой.

– А что ты думаешь о союзе тайца и европейской женщины? – спросила я.

В ответ Том заржал.

– Ты чего, шутишь? Это не продлится и недели. Таец привык поднимать руку на своих девчонок. После первого же раза, когда он ударит женщину-фаранга, та уйдет. Этот союз невозможен.

Я почесала голову, вспоминая то, как жена Джека избивала его.

– Есть ли женщины-фаранги, живущие здесь? – спросила я.

– Получаешь двойку за вопрос. Одиноким женщинам-фарангам на самом деле не рады.

– Я заметила это.

Том неохотно признал, что, тем не менее, мужчинам-фарангам все-таки больше нравится общаться с женщинами-фарангами. Им нравится слушать точку зрения женщины, чего они не могут получить от тайских баб. Между фарангами все же понимания гораздо больше. Слушая его, я улыбалась.

– Видите, женщина-фаранг сразу понимает, о чем я говорю. В этом случае язык является барьером. Фаранги никогда не выучат тайский язык.

– Ты говоришь на их языке?

– Только несколько предложений.

– Тогда почему мужчины-фаранги так ужасно реагируют на женщин-фарангов, заходящих в бары?

– Им кажется, что эти женщины смотрят на них с неодобрением.

Женщины-фаранги создают для них неудобства.

– Ты собираешься навсегда остаться со своей нынешней женой?

– Да.

– Есть дети?

– У моей жены есть трое. Я не хочу собственных. Ее дети – мои дети. Я запускал фейерверки для нашей дочери прошлой ночью. У нее есть письмо для тигра от ее имени.

Я засмеялась.

– Ты встречаешься с другими женщинами?

– Конечно.

– Гуляет ли твоя жена с другими мужчинами?

– Конечно нет. Мужчина может любить много женщин, а женщина только одного. Мужчины должны спать с другими женщинами. Это усиливает его чувства к его жене. Он ценит то, что у него есть.

С таким отношением Том наверняка и слышать не хотел о правах женщин. Надо бы поосторожнее высказываться о фарангах-резидентах.

– Ты знаешь о прибытии американского флота четвертого ноября? – спросил он.

– Послезавтра? Ничего себе, это должно быть интересно.

– Будет на что посмотреть. Авианосец и семь сопровождаемых миноносцев из Персидского залива. Помните тот иранский авиалайнер, который был сбит по ошибке в прошлом году? Это те самые люди, которые сделали это. Это будет их первый береговой отпуск со времен того инцидента. Должно быть весело.

– Великолепно звучит. Я остаюсь.

Какое прекрасное времяпровождение. Я пропускала вечеринку у Нок, но это даже к лучшему, потому что вероятнее всего мне пришлось бы платить за закуски. Я узнала о праздновании и прибытии флота в Паттайе. Должно быть, все девочки Таиланда приедут в этот город. Еще десять тысяч девочек будут оплачены. Паттайя регулярно нуждалась в женщинах для повседневного бизнеса. Хотя война во Вьетнаме давно закончилась, американские матросы все еще прибывали, чтобы порезвиться на тайских берегах. Каждый раз, когда я видела, как юные американцы шумели и ставили на уши весь Бангкок – понимала, что флот прибыл в отпуск.

Продолжение моего пребывания тут также давало мне передышку от Джека. Мой инстинкт должен был мчать меня назад к нему, чтобы повидать его, или, по крайней мере, быть около него, или слышать его телефонные звонки. Я знала, что эти позывы опасны. У меня было еще два свободных дня в запасе, чтобы дожидаться флот. Этим вечером я решила навестить Сои, девочку Дадли Даполито, которая наградила его герпесом. Он упоминал ее бар, Pit Stop. Его было легко найти. Я остановилась на углу Бич-Роуд, рядом с В-52.

Когда я спросила Сои в баре, находящемся под открытым небом, возле моря, мне показали на нее. Она сидела на стуле, походя на одну из тех азиатских куколок, которых обычно выдают в качестве призов на ярмарках. Ее украшала длинная челка и темные волосы до плеч. Она была взволнована из-за того что я, друг Дадли, пришла навестить ее, и даже отказалась от выпивки, которую я ей предложила.

– Сколько ты работаешь здесь? – спросила я.

– Десять месяцев.

Дадли она сказала то же самое, только четыре месяца назад. Сои была из центрального Таиланда. Она окончила школу, когда ей было десять лет, и вышла замуж в семнадцать.

После того, как я пообещала не рассказывать Дадли то, о чем она будет мне говорить, она мне поведала о своем бывшем муже, тайце, за которым она была замужем восемь лет. У нее было двое детей, а не один, как она сказала Дадли.

– Брак, очень хорошо, пока нет ребенка, – сказала она. – Потом муж уходит к другой женщине. Каждую ночь я жду его. Не сплю. Жду и жду, а он все не приходит. Потом ты понимаешь, что он никогда не вернется.

Это было знакомой историей. Значит, так же поступает и Джек? После рождения своего ребенка он начал встречаться с другой женщиной, то есть мной?

– Ты в то время работала? – спросила я.

– Когда я вышла замуж впервые, я работала на фабрике фонариков в Бангкоке, зарабатывала 70 батов в день. Муж не работал. Позже я работала в строительной компании, за 50 батов в день.

Пятьдесят батов составляли два доллара. На стройках в Таиланде работало много женщин. Я помню, как мы с Джеком обсуждали Фреда Флинтстона. Я рассказала ему, что американские рабочие зарабатывают 16 баксов в час, что сильно отличалось от двух долларов в день.

– Я оставила мужа, потому что он должен был много денег, и хотел, чтобы я платила за него.

– Потом ты приехала в Паттайю?

– Да, я приехала сюда с двумя подругами, теперь они обе замужем за фарангами. В Паттайе легко найти мужа-фаранга. Здесь можно зарабатывать 500 батов за день.

– Ты с тех пор видела своего бывшего мужа?

– У него теперь новая жена. Два месяца назад я увидела его впервые за четыре года. Мы с подругой случайно увидели его. Я была одета дорого и очень красиво, на мне были драгоценности, а он был голодранцем – водителем велорикши.

– Он спрашивал, где ты работаешь?

– Да, но я не ответила. После того как я его увидела, долго еще чувствовала себя хорошо. Очень счастливая была. Он бедный человек, а я богатая.

Из всего, что Сои сказала мне, я сделала вывод, что ей никак не меньше двадцати девяти. Дадли она сказала, что ей двадцать два.

Пока мы с Сои разговаривали, двое мужчин-фарангов вошли в бар.

– Эй, секси! – завопила она им.

Они продолжили идти своей дорогой, и мы вернулись к нашему разговору.

– У меня лежит письмо от тебя для Дадли. Оно в моей квартире в Бангкоке, – сказала я ей. – Ты посылала его на мой адрес. Он использует мой адрес для корреспонденции.

– Я плачу агенту, чтобы он писал за меня, – ответила она, поправив челку. – Дадли написал мне из Китая. Он скоро приезжает. Я жду его.

Написание писем стало большим бизнесом в Паттайи. Там появилось несколько контор, которые реально только писали или переводили письма. Так как многие девочки получали почту и деньги от иностранных мужчин, им нужен был кто-то, кто писал бы что-то типа «Спасибо, я скучаю по тебе, люблю тебя, мой брат лежит в больнице, он пострадал от аварии на мотоцикле, пожалуйста, вышли побольше денег».

– Я приехала в Паттайю, чтобы сбежать от тайского друга, – сказала я Сои, и затем рассказала о трагедии.

– Тайская женщина иногда очень сердитая, очень опасная, – выслушав меня, сказала она о жене Джека.

– Теперь он названивает мне каждый день. Даже однажды ночью прислал мне цветок.

– Я думаю, что он любит тебя.

– Да? Ты правда так думаешь?

Я сделала паузу, затем махнула рукой:

– А... неважно все это. Он слишком большая проблема для меня.

На следующий день мне нужно было как-то убить целые сутки. Отправив почтой на адрес моей матери в Нью-Йорк фильм «Инородные тела», я расположилась в видеосалоне под открытым небом. Владелец был неприятным французом, который не мог удержаться, чтобы не поприкалываться над работниками или посетителями. Он подошел ко мне сзади и немного стянул мои шорты.

– Извините, но мы заключили пари, – улыбаясь, сказал он, указывая на его дружков, которые неподалеку катались со смеху. – Я сказал, что у вас купальник под шортами. Я выиграл.

В попытке спасти свое достоинство, я натянула глупую улыбку на лицо и завязала разговор с какими-то туристами-фарангами, столпившимися около меня. Один был английским художником, отдыхающим в Таиланде. Как только он услышал о моем исследовании, он сразу же схватился за мое запястье, как утопающий за спасательный круг.

– Скажите мне, пожалуйста, можно ли заразиться СПИДом от орального секса? – спросил он.

– К сожалению, я не эксперт по СПИДу. Я только знаю, как обезопасить себя от этого, – ответила я.

– Я не надевал презерватив, – сказал он истерично. – Не знаю, почему я был так глуп. Я не знаю, почему пренебрег всем, что мне говорили.

– Да, я знаю, что практика и теория в этом вопросе две разные вещи.

Я не стала говорить ему, что была в подобной ситуации.

– Вы встречались с тайскими леди, как я предполагаю?

– Только с одной. Я никогда не хотел спать с ней. Она сказала, что ей негде переночевать.

– Да ладно, ага... она росла здесь и знает полгорода.

– Нет. Она была искренней. Я поверил ей.

– Добро пожаловать в Таиланд.

– Так что же вы думаете о проблеме СПИДа? Вы думаете, что я заразился СПИДом? Можно ли с этим что-то поделать?

– Я сама хотела бы об этом знать.

Поскольку у меня было полно времени, я решила взять интервью у местной полиции. Это была моя большая ошибка. Я пошла в отдел полиции по вопросам туристов и начала с приемного отделения. Весь отдел туристической полиции говорил на английском языке.

– Здравствуйтесь, я аспирант, проводящий исследование на тему проституции, и хотела бы спросить вас об американском флоте, который завтра заходит в порт. В связи с этим вы ожидаете каких-нибудь проблем?

Человек в униформе посмотрел на меня так, словно проглотил черепаху. У него выпучились глаза, раздулись щеки. Он замахал руками, и куда-то убежал, крича:

– Подождите, подождите, одну минуточку!

Заскочив в офис рядом, он вернулся практически молниеносно, но теперь вместе со своим боссом.

– Пожалуйста, входите, – сказал новый человек, держа свою дверь открытой.

– Чем могу помочь? – сказал он, предложив мне стул и сел напротив.

– Я хотела узнать, что происходит, когда в порт приходит флот. Вы, наверное, получаете много жалоб от матросов из-за девочек, которые грабят их?

– Минуточку, пожалуйста.

Он также исчез с напряженным видом, и я поняла, что, скорее всего, выбрала неправильную тактику вопросов. Это была плохая идея. Я думала, что Паттайя была достаточно далека от Патпонга, и можно было безопасно задавать любые вопросы.

Увы, но оказалось, что проституция везде была запретной темой. Так как это было незаконно, полиция не знала, как в своем учреждении обсудить эту тему. Человек вернулся только для того, чтобы сопроводить меня в другой офис. Меня перенаправили в еще большее здание. Каждый новый служащий имел знаки отличия на униформе и его офис был еще большего размера. Я чувствовала себя пойманной в ловушку. Мои вопросы вызвали переполох, а я уже не знала, что делать. Когда я подняла на ноги всю эту вооруженную военно-силовую иерархию, то почувствовала, что сама влезла в логово к тем государственным чиновникам, что запретили мне проводить исследование в области проституции. Как я могла сменить тему своего разговора? Уже не могла. Придется остаться преданной своей идее.

Наконец я достигла самого верха. Это была большая, покрытая коврами комната с баром, телевизором, стереомагнитофоном, какими-то трофеями. За столом, нагруженным портативными радиостанциями и телефонами, сидел пожилой таец. Он не был в униформе. Да уж... это была Очень Важная Персона.

Он протянул мне свою руку и одарил меня такой улыбкой, которую обычно дарят женщине в откровенных шортиках, а не обычному посетителю.

– Я – подполковник Сууот. Чем я могу быть полезным?

Я решила идти до конца и притворилась, что у меня было разрешение на исследование.

– Я – аспирант... – начала было я, но он резко прервал мою речь и стал рассказывать о том, чтобы он мог сделать для меня.

– В следующий раз, когда вы приедете в мой город, я поселю вас в пятизвездочном отеле. Все меня знают, и вам не нужно будет за это платить. Или если хотите, вы можете остаться на вилле моего друга.

– О, ах, спасибо.

– Завтра я приглашаю вас на свой корабль, а сегодня вечером мы пойдем на обед в Palladium. Вам нравится танцевать? Когда вы вернетесь в Бангкок, то обязательно должны будете познакомиться с моим другом-генералом.

Мало того, что его не интересовали мои рекомендации, его вообще не волновало мое исследование. Он не отнесся серьезно к моей работе, и воспринимал меня только как симпатичную женщину, находящуюся в пределах его досягаемости. Должна ли я была сердиться на него? Или нужно было начинать беспокоиться – ведь теперь у меня была проблема другого рода. Как вырваться из его тисков? Я не думаю, что есть смысл противостоять человеку с таким количеством раций. Я должна была быть теперь вдвойне аккуратней.

Тем же вечером я прибыла туда, куда мне было приказано явиться. Ожидая его в холле, я чувствовала себя как на сцене. Полицейские усмехнулись мне, словно я была последним приобретением их лидера. Сильно опоздав, полковник приехал и первым делом принес свои извинения.

– Я должен подготовиться к завтрашнему прибытию американцев. Пожалуйста, извините меня за обед. Я пошлю вас с моим сервантом.

– О, нет, нет, все хорошо. Я пойду поем одна.

– Очень хорошо. Тогда возвращайтесь к десяти, и мы пойдем потанцуем.

В десять он был все еще занят, и мне снова пришлось ждать его в холле. Привели двух трансвеститов, они были мужеподобны, но с накрашенными губами и ярким макияжем.

– За что они арестовали вас? – спросил один из них.

– Я жду подполковника, – ответила я, не желая их разочаровать. Мне не хотелось выглядеть арестанткой.

Час спустя подполковник все еще был занят. В этот раз он послал меня вперед с тремя бутылками Джонни Уокера и четырьмя сопровождающими полицейскими. Я действительно чувствовала себя, словно заключенная. Менеджер клуба Palladium, увидев мой эскорт, приветствовал меня как члена королевской семьи. Во что я вляпалась на этот раз?

Palladium был изумительным. Он был не хуже любого клуба в Нью-Йорке. Компьютеризированное мультимедийное видеошоу было великолепно.

– Самые последние технологии, – сказал мне полицейский. – Стоит 52 миллиона батов.

Видимо, бизнес Паттайи преуспевал. Проводя это время без подполковника, я понимала, что мне повезло. Попасть сюда, в этот вертеп, ожидая прибытия авианосца – было удачей.

Мне было жаль, что я не могла танцевать под этой светомузыкой вместе с Джеком. Я знала, что Джек в Паттайи бывал лишь однажды, с клиентом из Бангкока, да и то лишь в массажном салоне. Я хотела быть с Джеком и исследовать все вместе с ним. «Оах!» – сказал бы он, увидев красоту этого клуба.

К сожалению, в конечном счете, подполковник объявился. К счастью, когда я заявила ему, что через полчаса мне нужно уходить, он сказал, что ему тоже нужно отдохнуть. Прямо до гостиницы меня одну сопровождала колонна из трех патрульных машин. Ухх! Я всю дорогу репетировала свою речь-оправдание, почему я не могу позволить ему войти, если он вдруг попросится.

– Я увижу вас завтра, – сухо сказал он перед тем как исчезнуть.

На следующее утро газета Bangkok Post написала: «Паттайя. Около восьми тысяч американских военнослужащих на борту Carl Vinson, авианосца США, с ядерной установкой, и семь сопровождающих его суден начнут праздновать пять дней своего берегового отпуска в этом курортном городе. С этого утра миллионы батов потекут в карманы паттайцев».

Был ли Carl Vinson тем авианосцем, который сбил иранский авиалайнер? Как я помнила, тот авианосец назывался Vincennes. Названия были похожи, но, может, это было другое судно? Я должна была это узнать.

Время прибытия было девять утра. Я снова надела свои любимые шортики, чтобы не выделяться из пестрой толпы женщин на пляже. Из-за такого количества красивых женщин песка почти не было видно. Девушки были повсюду. На протяжении всего пляжа они стояли под пальмами и тростниковыми зонтиками. Деревянные знаки, воткнутые в землю, обозначали места, где корабельные лодки должны будут причалить к берегу. У каждого судна была своя собственная тайская рыбацкая лодка для переправы моряков туда и обратно.

Натянутая меж деревьев ткань гласила: «ВМС США – ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ». У обочины стоял трейлер от бангкокского банка в качестве обменного пункта, чтобы моряки могли поменять свои доллары. Все хорошо организовано. Все ожидали прибытия флота. Один, два, три часа прошли, но ничего не происходило. Я познакомилась с репортерами тайских и англоязычных газет. Телевизионщики также дожидались прибытия моряков. Весь горизонт был усеян корабликами.

– Где перевозчики? – спросила я одного репортера.

– Вон вдалеке повсюду точки, это они. Еще вчера вечером они бросили якорь.

– Что держит их там так долго, почему они не могут сойти на берег?

– Не волнуйтесь, они также жаждут поскорей добраться сюда, как эти девочки хотят поскорее их увидеть.

– А это тот самый авианосец, который случайно сбил иранский авиалайнер?

– Какой иранский авиалайнер?

– Не важно, забудьте.

Внезапно появился подполковник Сууот. Переполненный важностью, он шагнул в волнующую толпу его подчиненных. Сегодня он был одет в обвешанную медалями униформу, а на голове его красовался заломленный набекрень берет. Тайский «Телеканал-9» торопился взять у него интервью.

– Пойдемте, – услышала я позади себя голос полицейского, который взял меня за

локоть. – У вас встреча с подполковником.

Он указал на автостоянку. У меня, похоже, не было выбора, и я пошла.

Мне пришлось ждать его двадцать минут под раскаленным солнцем. Наконец-то он появился.

– Теперь я возьму вас на корабль, – сказал он, проходя мимо, заставив меня следовать за ним. – Чуть позже мы пообедаем.

Я последовала за ним.

– Но я хочу увидеть прибытие, – запротестовала я смело. – Я прождала целых четыре часа.

– Американцы будут здесь целую неделю. Вы ничего не пропустите.

– Нет, нет, я встречу с вами позже. Пожалуйста. Я просто хочу понаблюдать, как они придут.

– Очень хорошо. Тогда увидимся через час, бросил он и зашагал прочь вместе со своей процессией.

О полицейской коррупции я читала и знала не только из колонок Тринка. Наблюдая за барами-мошенниками с Патпонга, которые спокойно работали, я хорошо понимала

степень покровительства полицейской власти. Полиция в Таиланде не была такой же, как на Западе. Хотя Таиланд изменился за последние десять лет в плане военной диктатуры, но структура власти, полиция и армия остались такие же. Власть по-прежнему

базировалась на мундирах и униформах, и часто основывалась на фаворитах и протекциях. Меня не интересовало внимание подполковника и его покровительство. Обратной стороной такой защиты могло быть что угодно, и это наверняка нездоровые намерения! Но мне также не хотелось, чтобы подполковник остался мною недоволен. И при этом я вовсе не стремилась осчастливить его.

Я решила вернуться в Бангкок, но перед этим отправить сообщение в полицейский участок, объяснив, что вызвана по срочному и неотложному делу. Он должен был в это поверить, потому что видел, что я старательно наблюдала за прибывающим флотом.

Я видела, как первая лодка «свободы», кивая носом, уткнулась в песок Таиланда. Стоя рядом с тайскими женщинами, я наблюдала, как матросы высакивали на берег с воплями «Джеронимо!!!»* (боевой клич апачей).

– Ахххх, – донесся женский возглас на всю округу.

Воображая будущие перспективы, девочки смотрели на американцев, как на богов, спускающихся с олимпа.

В отличие от большинства клиентов, которых я видела в Паттайе – старых тучных мужчин, потеющих от жары, эти были молоды, выбриты, подтянуты и свежи. От них исходила аура богатства, а их карманы были полны. Мы, стоящие на берегу женщины, не воспринимали их как отдельных личностей. Американцы олицетворяли богатство и силу военных кораблей, стоящих позади них. От мужчин исходил свет радости и легкое волнение. Сотни великолепных женщин так же сияли.

Поскольку эти две группы жаждущих одного и того же встретились, смех и возгласы заполнили всю пристань. Я совсем забыла об иранском авиалайнере. Первая лодка «свободы» причалила к берегу.

*Джеронимо – боевой клич индейцев апачей.